

Хриплые вопли и плач рабов, равнодушные смешки личных стражников, треск взлетающих в ночное небо искр от костра на пустыре посреди двора — весь этот кошмарный шум заполнил пространство.

Ян Бочжун медленно обернулся. Взглянув на Шэнь Чжиюя, который с трудом выпрямлял спину, он притворно засуетился:

— Что с вами, господин канцлер?

Шэнь Чжиюя снова и снова выворачивало наизнанку, но желудок был пуст — на землю капала лишь темная кровь. Тяжелое, свистящее дыхание никак не могло выровняться, тело била крупная дрожь, а в ушах стоял непрерывный гул.

"Так вот где таился исток этой заразы"

В прошлой жизни эпидемию остановили не лекарства, а тотальная резня. То был единственный раз, когда они с Юань Чэ сошлись во мнениях. Когда зараза поползла дальше, а снадобья оказались бесполезны — неспособны даже унять лихорадку, — когда страх смерти сковал Великую Чу, им пришлось занести карающий меч. Чтобы спасти страну от полного вымирания, они вырезали всех больных до единого.

Шэнь Чжиюй слишком хорошо помнил: в тот миг, когда опустились клинки, все рухнуло. После резни имя Юань Чэ мгновенно смешали с грязью, и народная любовь покинула правителя навсегда. Так вот кто стоял за этим злодеянием...

Выдержав удушливую, затянувшуюся паузу, Шэнь Чжиюй заставил себя успокоиться. На его лице, застывшем мертвенно-белой маской, не отразилось ни единой лишней эмоции. Он спросил, нарочно притворяясь неосведомленным:

— Прошу простить за слабость, нездоровится. Но что это за люди?

— Это наши «отравленные люди». Болезнь в их жилах невероятно заразна, — буднично отозвался Ян Бочжун. — Пусть войско императора варваров несокрушимо в честном бою, его воины сотворены из плоти и крови. Они едят обычную пищу, так с чего бы им обладать бессмертием?

— Хочешь сокрушить армию Гуйжун изнутри, заразив их?

— Именно так. Что скажете, господин канцлер?

Влажные пряди волос облепили бледное лицо Шэнь Чжиюя. Горло судорожно сжалось, но он не сводил тяжелого взгляда с измученных рабов.

— Действительно... неплохо придумано.

Он перевел дух и холодно добавил:

— Однако это оружие кажется слишком непредсказуемым. Если болезнь вырвется из-под контроля, надеюсь, у тебя найдется противоядие? Не говори мне, что ты действуешь наобум.

Ян Бочжун на мгновение опешил, но тут же залился раскатистым смехом:

— Будьте покойны, господин канцлер, выход есть всегда. Просто сейчас не время вдаваться в подробности. — Он сделал несколько шагов вперед и уставился на пятна крови, расплывающиеся по воротнику Шэнь Чжиюя. — Вам бы лучше позаботиться о собственном здравии. Помните: именно вам предстоит вручить этот «подарок» варварам.

Взор Шэнь Чжиюя сделался колючим и холодным.

— Я знаю вашу добродетель и любовь к простому люду, — в голосе Ян Бочжуна не прозвучало ни капли раскаяния, скорее уж сквозила фальшивая, надменная праведность. — Но это самый надежный и быстрый способ избавить страну от иноземной скверны. Пожертвовать малым ради блага государства, отречься от себя во имя Великого Дао... Раз уж эти ничтожные рождены под небом Великой Чу, таков их долг. — С этими словами он протянул Шэнь Чжиюю тяжелый ключ от деревянного барака. — У вас есть три дня, чтобы проверить это дело. Когда закончите, не забудьте известить меня.

Все взгляды скрестились на железном ключе в его руке. Для Шэнь Чжиюя этот кусок ржавого металла казался крышкой ящика Пандоры, за которой таилась погибель.

В горле першило от подступающей тошноты, мысли лихорадочно сменяли друг друга: как поступить с ключом? Как спасти обреченных людей? В конце концов Шэнь Чжиюй заставил себя слабо улыбнуться. Превозмогая свинцовую тяжесть в членах, он протянул руку и небрежно забрал ключ:

— Что ж... договорились. Рад нашему союзу.

Довольный Ян Бочжун чинно отступил назад и сложил руки в безупречном приветствии, соблюдая все правила приличия.

— Однако послушай меня, Ян Бочжун, — Шэнь Чжиюй спрятал ключ в рукав халата. — Я не привык плясать под чужую дудку. Ты требуешь от меня верности и помощи, но одного лишь ключа мне мало.

Ян Бочжун непонимающе вскинул брови, но уже в следующее мгновение догадался, к чему клонит канцлер.

— Разумеется. Уже завтра все, что принадлежит вам по праву, будет возвращено господину канцлеру.

Иметь дело с умным врагом — сомнительно, но удобно. Не нужно разрывать хлипкий мир и осыпать друг друга проклятиями. Достаточно легкого намека под маской взаимного лицемерия, чтобы обе стороны прекрасно поняли скрытые мотивы друг друга.

Колени Шэнь Чжияю предательски подгибались. Опираясь на подставленное плечо служанки, он медленно пошел прочь под пристальным, провожающим взглядом Ян Бочжуна.

Едва силуэт канцлера растворился во мраке, Ян Бочжун лениво взмахнул рукой. Стражники тут же с лязгом заперли тяжелую дверь. Земной ад вновь скрылся от чужих глаз, оставив столицу погруженной в зыбкую, фальшивую иллюзию покоя.

— Старик Ян, — Юй Инцянь сделал шаг вперед, хмурясь от беспокойства. — Ты так легко отдал ему ключ? Неужели ты всерьез веришь, что Шэнь Чжияю предаст своего варвара и искренне перейдет на нашу сторону?

— Конечно нет.

— Тогда зачем же...

— Верю я ему или нет — дело десятое. Старик Юй, ты вечно цепляешься за условности, оттого-то твоя родня в свое время и проиграла клану Шэнь на литературном поприще. Эту закостенелость из тебя и могила не выбьет, — Ян Бочжун нетерпеливо крутанул нефритовый перстень на большом пальце, обрывая собеседника на полуслове.

Важен лишь итог. А истина... истина никого не волнует.

— Куда существеннее то, — неторопливо продолжил Ян Бочжун, — что этот желторотый щенок, загнанный нами в ловушку, всерьез возомнил, будто способен в одиночку перевернуть небо и землю. Он ведь даже не догадывается, какой козырь зажат в наших руках. Кстати, старик Лу уехал уже несколько дней назад. Есть вести?

— Да-да, пришли новости! — Ван Чжан поспешно выудил из широкого рукава измятый конверт и протянул его главе заговорщиков.

— Отлично.

Забрав послание, Ян Бочжун махнул рукой, приказывая всем расходиться, однако Юй Инцянь крепко ухватил его за плечо.

— Послушай меня, Ян! Возраст не дает тебе права на беспечность. Этот щенок Шэнь еще изворотливее и безжалостнее своего покойного отца! Для него нет преград. Нельзя позволить ему действовать без оглядки, найди способ связать его по рукам и ногам!

— Ох, ну и зануда же ты, — поморщился Ян Бочжун, обреченно глядя на старого друга. — Ладно, будь по-твоему. Если мне не изменяет память, у тебя в роду осталась девица на выданье, верно?

— Что ты задумал?

— Сам же говоришь: у Шэнь Чжиюя нет уязвимостей, он ни к кому не привязан. Так давай подарим ему эту привязанность. Пусть твоя дочь окрутит его и принесет ему дитя. Стать законной супругой канцлера — великая честь, жаловаться ей не придется.

Заложив руки за спину, Ян Бочжун неторопливо обвел взглядом фамильную усадьбу.

Этот замок был огромен — здесь веками процветали великие кланы Великой Чу: Ян, Юй, Ван и Лу. Он требовал от Ян Бочжуна трудов длиною в целую жизнь, чтобы уберечь свое наследие. Но в то же время этот мир казался ничтожно мал — в нем было место лишь для интересов этих четырех фамилий.

Старик прекрасно понимал пылких юнцов при дворе. В молодости он и сам бредил высокими помыслами: мечтал служить Небу и Земле, вершить великие дела, оставить свое имя на скрижалях вечности. Вот только многие ли из тех безумцев преуспели? И какую цену они в итоге заплатили за свое тщеславие?

Теперь он постарел. Тихое семейное счастье, благополучие близких и детский смех за праздничным столом значили для него куда больше эфемерного бессмертия в хрониках. А значит, он пойдет на все, сотрет в порошок любого, кто посмеет угрожать его роду.

Пригород столицы

Шум ветра колыхал бескрайнее изумрудное море бамбуковых рощ.

С едва слышным свистом сквозь густую чащу мчался отряд людей в черных одеждах. Их движения были стремительны и легки, словно полет ласточек. Скользя по воздуху, они едва касались ногами медленно опадающих листьев, отталкиваясь от них, как от твердой опоры, и одним махом преодолевали огромные расстояния.

Мужчина, шедший во главе отряда, обладал хищным, ястребиным взором. Не сбавляя хода, он зорко высматривал любые следы на земле. Заметив притаившуюся среди зарослей уединенную

усадыбу, он резко вскинул руку, приказывая затаиться.

Ли Хай на корточках сидел у ручья, протекавшего позади усадьбы, и злобно тер скопившееся за полмесяца грязное белье. В какой-то момент терпение его лопнуло. С криком проклятий он швырнул мыльный корень в воду, и на его лбу вздулись багровые вены:

— Ничтожества! Трусливые предатели!

После гибели служанки Ин-эр все заботы о его скромном быте легли на плечи Тени-Четырнадцать. Однако пять дней назад страж просто бесследно исчез, даже не потрудившись предупредить.

"За кого они меня принимают? — с обидой думал Ли Хай, остервенело стирая белье. — За ненужную пешку, которую можно выбросить после использования?"

Он злился, но все же старался не портить одежду — другой у него попросту не было.

— И этот старый лис Ян, и Шэнь Чжияй — все они неблагодарные псы!

Обида душила свергнутого принца. Эта империя по праву крови принадлежала его предкам, а эти безродные выскочки посмели обращаться с законным наследником престола как с бездомной собакой!

— Кто здесь?!

Черная тень бесшумно скользнула мимо, двигаясь с такой неестественной скоростью, что Ли Хай даже не успел понять, человек это или злой дух. Собственная шкура была ему дороже всего на свете; побросав недостиженные тряпки и даже не смыв мыльную пену с ладоней, он рванулся прочь. Но стоило ему обернуться, как он нос к носу столкнулся с воином в жуткой маске с оскаленными клыками.

Ли Хай с разбегу врезался в грудь незнакомца, отчего в глазах у него заплескали искры. Нападавший даже не пошевелился. Смерив скорчившегося юношу презрительным взглядом, он глухо хохотнул под маской:

— Ба, да это же наш ненаглядный принц прежней династии. Рад встрече, Ваше Высочество.

— Ты... — Ли Хай судорожно хватал ртом воздух, собираясь закричать, но тяжелый удар обрушился на его шею сзади. Сознание мгновенно угасло.

Очнулся он уже на холодном, скользком полу. Вокруг высились мрачные, покрытые сыростью каменные стены, а тусклый свет одинокого факела едва разгонял густую тьму. Руки и ноги

были стянуты веревками так крепко, что он походил на праздничный рисовый сверток — ни пошевелиться, ни сесть. Страх ледяной иглой вонзился в сердце. Он понятия не имел, где находится.

Прежняя спесь испарилась без следа, уступив место паническому ужасу. Ли Хай задержался всем телом и истошно завопил:

— Мерзавцы! Как вы смеете держать меня взаперти?! Мой покровитель — сам великий канцлер! Одно его слово — и от вас мокрого места не останется!

Крик возымел неожиданный эффект — тяжелый засов снаружи заскрежетал, железная дверь приоткрылась, и в темницу вошел высокий мужчина.

Ли Хай нервно сглотнул, силясь изобразить на лице угрожающую улыбку:

— Ну что, испугались? Немедленно развяжите меня, пока... Стой! Ты... ты из северных варваров?!

— Неужели так заметно? — Уянь лениво потер подбородок. — А ты глазастый, малец. Да что с тобой?

— Варвары... дикари... — зубы Ли Хая выбивали чечетку, он даже не расслышал вопроса.

Ужас сковал его разум. Откуда степняки прознали о его убежище? Зачем похитили? Почему Тень-Четырнадцать оставил его на растерзание? Что стряслось в столице? Кто продал его жизнь врагам — Шэнь Чжуй или четыре великих семейства? Или их всех уже вырезали?

Наблюдая, как лицо пленника то бледнеет, то наливается багровой краской, Уянь недоуменно нахмурился и прикрикнул:

— Эй! Живой там?

От этого окрика Ли Хай едва не лишился чувств. Извиваясь червем, он попытался уползти в самый дальний угол камеры, захлебываясь рыданиями:

— Не убивайте меня! Пощадите! Это не моя вина, меня заставили! Я ни при чем, я просто хотел спастись! Это все Шэнь Чжуй, он во всем виноват! Наш общий враг — он, убейте его!

— Чего? — Уянь брезгливо поморщился. Связываться с сумасшедшим у него не было ни малейшего желания. — Хватит скулить. Кому ты нужен... Сиди тихо. Его Величество пока не велел тебя убивать, ты нам еще пригодишься.

Стоило Уяню развернуться к выходу, как Ли Хай, извернувшись всем телом, подполз к его ногам и запричитал, размазывая слезы по лицу:

— Пойдите! Я все расскажу! Все тайны выдам, только сохраните мне жизнь!

— Да сдались мне твои бредни, — степняк с отвращением отпихнул сапогом последнего наследника некогда великой императорской династии и, громко хлопнув дверью, вышел вон.

Боковой зал государственных совещаний

В полумраке просторного зала Ню Июн стоял на коленях. Вдоль стен безмолвными изваяниями застыли гвардейцы Гуйжун с обнаженными клинками. Воздух казался тяжелым, пропитанным зловещей тишиной.

Юань Чэ восседал на возвышении, скрытый тенями балдахина. Ню Июн не смел даже поднять взгляда, затаив дыхание от сковавшего его страха. В былые времена в этих стенах собирались лишь самые доверенные советники императора после утренних аудиенций. Простому безродному книжнику вроде него путь сюда был заказан навеки.

Но старый мир рухнул, и теперь он стоял здесь — перед человеком, в чьих руках находились судьбы миллионов подданных Великой Чу. И дело было не только в крахе прежних законов и крушении старой знати; Ню Июн чувствовал, что этот суровый чужеземный правитель обладал редкой широтой ума и проницательностью.

Юань Чэ разительно отличался от ничтожных правителей династии Ли. В нем горела неукротимая, хищная страсть истинного завоевателя, рожденного расширять границы своей империи. Но за этой внешней первобытной силой скрывался острый, расчетливый разум. Пусть он уступал канцлеру Шэню в утонченности и хладнокровии, назвать его простым воякой не повернулся бы язык. Этот правитель сочетал в себе свирепость степного волка и мудрость государственного мужа.

Капли холодного пота медленно катились по вискам замершего книжника. Колени уже онемели от долгого стояния на каменных плитах, когда Юань Чэ наконец опустил письмо на полированное дерево драконьего стола и поднял взор.

— Ню Июн.

— Ваш ничтожный слуга слушает, Его Величество, — поспешно отозвался тот, склоняясь еще ниже.

Юань Чэ задумчиво перебирал пальцами тонкую бумагу. Он узнал бы этот почерк из тысячи —

каждый иероглиф был выведен безупречной, твердой рукой Шэнь Чжиюя. Стоило императору прикрыть глаза, как воображение тут же нарисовало картину: глухая полночь, тусклый свет свечи, канцлер склонился над столом, тяжелый шелк темных волос струится по плечам, а непослушная прядь то и дело падает на лицо. И Шэнь Чжиюй, рассеянно хмурясь, привычным изящным жестом заправляет ее за ухо тонкими, привыкшими к кисти пальцами.

Бумага до сих пор хранила едва уловимый аромат сосновой туши и травяной дух дорогого писчего листа. В послании шаг за шагом, с пугающей точностью было расписано, как с помощью безвестных книжников выстроить новый костяк императорского двора. Шэнь Чжиюй предвидел каждую трудность, подготовил решения для любого возможного препятствия и наметил путь, который позволит незаметно, капля за каплей, отобрать власть у четырех великих семейств и передать ее в руки государя.

"Мой канцлер... Он не просто стал моим мечом, но и выковал для меня надежный щит"

Юань Чэ обязан оправдать это доверие. С постыдным унынием и пьяным бессилием покончено раз и навсегда. Шэнь Чжиюй прикрывает его тыл, но и он сам должен стать для канцлера нерушимой опорой. Они пойдут по этому пути рука об руку, как равные, отринув глупые жертвы.

— Раз уж господин канцлер счел тебя достойным своего покровительства, — Юань Чэ устремил на стоящего перед ним человека тяжелый, пронизывающий взгляд, — ты обязан оправдать его выбор. Знай свое место и служи преданно.

— Ваш ничтожный слуга удостоился безграничной милости Его Величества и благословения судьбы! Обещаю отдать все силы, не щадя собственной жизни! — Ню Июн трижды ударил челом о каменный пол.

В тот же день из глубин императорского дворца одно за другим выпорхнули несколько тайных повелений, повергнув столичную знать в полное смятение.

Государь призвал к себе полтора десятка безвестных ученых мужей незнатного происхождения и, сообразуясь с талантами каждого, наделил их особыми полномочиями. У этих людей не было ни громких титулов, ни официальных чинов, они даже не имели права присутствовать на утренних докладах, отчего придворные старейшины не могли выразить им открытый протест. Однако власть, дарованная им императором, крылась в одном емком слове — «надзор».

Прежде воля государя исполнялась под надзором канцлера, а ведомства лишь распределяли задачи между собой. Отныне же за действиями каждого сановника следил Инспектирующий цензор. Облаченные в звание «служащих при императорском дворе», эти люди получили право беспрепятственно входить в любые палаты и лично докладывать императору о любых упущениях или злоупотреблениях чиновников.

Доверенные лица государя, око государево. Невидимые железные цепи стянули руки и ноги

четырех великих семейств.

Резиденция канцлера

Ночная прохлада пробиралась сквозь щели в покои. В комнате царило непривычное безмолвие — рядом не было Юань Чэ с его вечной ворчливой заботой. Шэнь Чжияй сидел у окна, накинув лишь тонкие домашние одежды.

Императорские указы, всколыхнувшие весь город, долетели и до его ушей. Шэнь Чжияй облегченно улыбнулся. Поднявшись, он осторожно затушил свечу и направился к постели.

Вдруг дверь тихонько скрипнула, и на его плечи опустилось тяжелое, подбитое мехом теплое одеяние. Незнакомец действовал с величайшей осторожностью. Бережно укрыв канцлера, он поспешно отступил на шаг назад, опустился на колени и склонил голову:

— Господин канцлер...

<http://bllate.org/book/20512/2218302>